

Д. ШИМОХИН

В. КОЛЛИНГВУД

ХОЗЯИН АМУРА

Виктор Коллингвуд
Дмитрий Шимохин
Хозяин Амура
Серия «Подкидыш», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74120647

Аннотация

Похоже, мой сибирский «бандит» – лишь марионетка в руках серьезных людей из Европы. Что ж, тем хуже для них. Я пришел сюда не для того, чтобы уступать. Я пришел стать Хозяином Амура. И плевать, на каком языке говорят мои враги.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Дмитрий Шимохин, Виктор Коллингвуд Хозяин Амура

Глава 1

Огонь, подобно внезапному удару кулака в лицо ударивший с обеих сторон ущелья, в клочки разорвал тишину. Воздух буквально взорвался грохотом десятков фитильных ружей, и этот гром, многократно отраженный от скал, превратился в сплошной, давящий на уши рев.

Наши передовые, казаки и нанайцы, оказались прямо в центре этого огненного мешка. С первыми же выстрелами один из казаков, вскинув руки, мешком рухнул с коня. Рядом с ним на камни упал нанаец, прижимая ладонь к пробитому боку. Остальные, рассыпавшись, тут же открыли ответный огонь, укрываясь за валунами и складками местности, но это было все равно что стрелять по скалам. Хунхузы засели в хорошо подготовленных, выложенных камнем гнездах-ячейках, почти невидимых на фоне серых склонов, и безнаказанно поливали ущелье свинцом.

– Назад! – проревел Мышляев, пытаясь перекричать грохот.

Под его командованием остатки дозора, огрызаясь выстрелами, начали отходить, унося раненых. Я видел, как Мышляев, стоя почти в полный рост, прицелился и выстрелил туда, откуда огонь был особенно плотным, давая своим людям время отступить.

– Стреляй! – кричал он своим бойцам, уже занявшим позиции у входа в ущелье.

В ответ на его приказ с нашей стороны ударил дружный залп. Но хунхузы лишь на мгновение вжали головы в свои каменные норы, а затем снова принялись за свою смертельную работу. Двое из людей Мышляева тут же были ранены.

Я лежал за огромным валуном, судорожно пытаюсь понять, что делать дальше. Мы были в классической, идеально исполненной западне. Прорваться вперед через этот огненный коридор означало положить как минимум треть отряда. Отступить – подставить спины под их выстрелы. Тупик.

И тут память услужливо напомнила мне про другой такой же бой в моей прошлой жизни...

Такая же проклятая гора. И мы, зеленые сопляки, ползем наверх, выплевывая легкие, а внизу огрызается «духовский» пулемет.

Я тогда выдохся, прижался к скале, не в силах сделать и шага. И рядом так же тяжело дышал мой лейтенант, хриплый, злой, на семь лет старше, но упорный, как дьявол.

– Что, Курильский, сдулся? – прохрипел он, толкая меня прикладом в бок. – Давай шевелись, салага! Пот экономит

кровь! Запомни это!

И вот мы лезем на вершину. Один из наших, Вадька, нашел такой же удобный уступ и залег, решив «поработать» по пулеметному гнезду. А лейтенант, увидев это, заорал ему так, что, казалось, камни посыпались.

– Идиот! Наверх! Всегда иди наверх! Кто выше – тот и жив!

Вадька не послушал. Через минуту его сняли с соседней высоты...

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Наверх! Нам надо наверх.

Глаза поймали синюю куртку одного из наших тайпинов. Злобно щерясь, он приник к ложу тяжелого штуцера, пытаюсь поймать момент, когда кто-то из засевших на склоне хунхузов подставится под выстрел.

– Где Лян Фу? – дернув его за рукав, резко выкрикнул я.

Тайпин – молодой совсем, безусый парень – недоуменно оглянулся на меня. Затем до него дошло, что я ищу командира, и он закричал что-то по-китайски. Ему тут же ответили десятки голосов, и вскоре Лян Фу, черный от порохового дыма, предстал передо мной.

– Найди Сяо Ма! Нам нужен проводник!

Молча кивнув, командир тайпинов резко выкрикнул:

– Сяо Ма! Куай дао во чжэр лай!¹

Вскоре маленький юрки китаец появился перед нами.

¹ Сяо Ма – быстро ко мне (кит.).

– Сяо Ма! Подумай! Есть другой путь наверх? Тропа? Козья стежка? Что угодно! – крикнул я, когда он, пригибаясь, подбежал к нам с тайпином.

Бывший раб окинул взглядом склоны. В глазах его мелькнуло узнавание: он вглядывался в скалы, и губы его шевелились. Затем он ткнул пальцем в почти отвесную, поросшую колючим кустарником осыпь слева от нас.

– Там... – перевел Лян Фу его торопливый шепот, – там нет тропы... но козы ходят. Можно попробовать... очень трудно. Но можно!

Это был не шанс. Это была тень шанса, призрачная возможность. Но в нашей ситуации и она была дороже всего золота мира.

– Мышляев! – проревел я, перекрикивая треск выстрелов. – Держать их здесь! Отвлекай, шуми, жги порох! Но ни шагу вперед, понял?! Нам нужно время!

Он коротко кивнул, и его лицо, черное от пороховой гари, сделалось маской мрачной решимости. Оставив его командовать основной группой, я начал собирать свой штурмовой отряд. Выбор был очевиден: Тит, чья исполинская сила могла пригодиться на кручах, Сафар, десяток молодых и жилистых казаков и все уцелевшие после первого обстрела нанайцы.

Путь, который указал нам Сяо Ма, трудно было назвать даже тропой. Почти отвесная осыпь из мелкого, «живого» камня, поросшая колючим кустарником, который рвал одеж-

ду и кожу в кровь, плохо подходила для восхождения. Но делать было нечего: и мы полезли наверх.

Не успели мы подняться и на двадцать саженей, как склон из «неудобного» превратился в «почти непреодолимый». Пот сразу же залил глаза, застывая мир соленой пеленой. Легкие горели от недостатка воздуха, сердце бешено колотилось о ребра, как пойманная в клетку птица. Каждый шаг вверх был пыткой. Ноги скользили, камни срывались из-под сапог и с сухим шорохом летели вниз. Приходилось цепляться за все: за острые выступы скал, за тонкие, предательски гнущиеся корни, за колючие ветки, впивавшиеся в ладони сотнями игл.

Я карабкался, задыхаясь, и в голове моей, в такт бешеному пульсу, вспыхивали короткие, жгучие обрывки из прошлой, другой, жизни. Мелькали лица ребят, с которыми ходил по горам в Веденском районе. Тогда мы все тащили на себе двойной боекомплект и сухпай на три дня. И ничего, от натуги никто не сдох. «Кто наверху, тот и победит...»

Внизу продолжался бой. Я слышал сухую трескотню наших штуцеров и ответные, более глухие и редкие хлопки фитильных ружей хунхузов. Мышляев делал свое дело – он заставлял врага смотреть вниз, не давая им поднять головы.

Еще один рывок. Я подтянулся, ухватившись за корень, и на миг увидел удобный уступ чуть в стороне – идеальная позиция для стрельбы. Можно было бы залечь, передохнуть, сделать пару выстрелов... Но нет. Надо лезть выше. Я караб-

кался, уже не чувствуя ни боли в содранных руках, ни усталости. Мной двигал простой, выжженный в памяти кровью закон войны: кто выше, тот и жив. И я собирался жить. Кто наверху, тот и победит!

Наконец, вывалившись на узкий, как лезвие ножа, гребень, я рухнул на камни, хватая ртом разряженный горный воздух. Тело гудело от напряжения, одежда была мокрой от пота и порванной в клочья. Один за другим наверх выбирались мои бойцы – измотанные, с содранными в кровь руками, но с диким, злым блеском в глазах. Мы сделали это. Мы были выше.

Отсюда, с вершины, логово врага было как на ладони. На противоположном склоне, чуть ниже нас, мы отчетливо видели их стрелковые позиции – сложенные из дикого камня «гнезда», тщательно замаскированные ветками и почти неприступные для атаки снизу. Занятые перестрелкой с группой Мышляева в долине, хунхузы даже не подозревали о смертельной угрозе, нависшей прямо у них над головами.

– Рассредоточиться по гребню, – прохрипел я, давая знак. – Огонь по готовности. Цель – каждая живая тварь в этих норах.

Переводя дух, мои бойцы занимали позиции, выбирая удобные камни для упора. Щелкнул первый курок. Затем второй, третий... и на врага обрушился наш свинцовый дождь. Теперь роли поменялись. Мы были охотниками, а они – дичью, запертой в каменных клетках.

Паника внизу началась почти сразу. Один хунхуз, высу- нувшийся для выстрела, получил в череп сразу две пули и молча ткнулся лицом в бруствер своей ячейки. Другой взмахнул руками и кубарем покатился вниз по склону.

Настоящий вой пронесся над ущельем: такого поворота бандиты явно не ожидали. Их ответный огонь стал беспоря- дочным и неточным – теперь они стреляли вслепую, вверх, почти не видя нас.

Их командир, однако, явно не был дураком. Поняв, что их обошли и дело пахнет тотальным истреблением, он отреаги- ровал с отчаянной, звериной решимостью. Раздались ярост- ные, лающие команды, и из одного из самых дальних, скры- тых от нашего обстрела «гнезд» выскочила группа примерно из десятка головорезов. Не обращая внимания на бой внизу, они, пригибаясь, бросились прямо по гребню наперерез нам, пытаясь зайти во фланг и сбросить с высоты.

– К бою! – рявкнул я.

Пришлось мгновенно разделиться. Часть бойцов продол- жала методично выбивать хунхузов в ущелье, не давая им поднять головы. А мы: я, Тит, Сафар и несколько казаков – развернулись, чтобы встретить отряд смертников. Теперь противник пытался проделать с нами то, что мы проделали с ним: связать перестрелкой, позволив своей штурмовой груп- пе зайти нам в тыл. Узкий каменистый гребень вот-вот обе- щал превратиться в арену для короткой, яростной и безжа- лостной схватки, где нет места маневру, где все решают толь-

ко скорость и сталь.

Рукопашная схватка на узком, как лезвие ножа, гребне была чистым безумием. Я едва успел выстрелить в упор в первого хунхуза, как на меня тут же навалился второй. Пришлось работать прикладом и ножом, отбиваясь от яростных ударов тесака-дао. Краем глаза я видел, как справа ревет, круша врагов, Тит, а казаки-пластуны, матерясь, сдерживают натиск еще двоих бандитов.

Я наконец отбросил своего противника и попытался перезарядить «Лефоше» – в барабане оставался всего один патрон. Пальцы, скользкие от пота и крови, не слушались, драгоценные секунды уходили. И в этот момент, в самый уязвимый для меня миг я увидел, как один из хунхузов, которого до этого теснили казаки, вдруг извернулся и, оставив казаков за спиной, одним прыжком оказался прямо передо мной.

Я никак не успевал выстрелить. Время как будто остановилось. Все, что я видел, – это его перекошенное яростью лицо, револьвер в руке и головокружительную пропасть слева и справа от нас...

И тут между нами выросла тень. Сафар. Он был ближе всех и, оценив ситуацию, не раздумывая, бросился наперерез, закрывая меня своим телом.

– Сафар, нет! – вырвалось у меня.

Хунхуз, не ожидавший этого, на мгновение растерялся, но палец его уже давил на спуск. Выстрел грянул оглушительно громко. Я видел, как Сафара дернуло, как по его виску,

оставляя темный след в черных волосах, скользнула пуля. Он не закричал, лишь качнулся, как подрубленное дерево, и начал медленно оседать на камни.

Тит, увидев это, издал звериный рев, от которого, казалось, задрожали скалы. Он отшвырнул противника, с которым боролся, и бросился на помощь. Но он был слишком далеко, слишком неповоротлив для этого узкого карниза. Он не успевал.

Ярость затопила все. Пальцы наконец-то нащупали патрон, вложили его в камору, провернули барабан. Время сжалось в одну-единственную секунду. Хунхуз, оскалившись, перевел оружие, взводя курок, чтобы добить и меня, и лежавшего у моих ног Сафара.

Мой револьвер взревел, подпрыгнув в руке. Пуля ударила бандита прямо в переносицу. Он замер, выронил меч и, качнувшись, молча рухнул навзничь, в пропасть.

Все было кончено. Последний из отряда перехвата был убит. Засада внизу, потеряв почти всех командиров, умолкла. Остатки бандитов бросились бежать в глубь ущелья, где их уже встречали люди Мышляева. Мы победили.

Я бросился к Сафару. Он был без сознания, голова разбита, но дышал. Тит подхватил его на руки так же легко, как до этого поднимал мешки с мукой, и мы начали спуск.

Внизу, в ущелье, бой уже стих. Мои бойцы встречали нас радостными криками, но тут же смолкали, видя, как Тит несет раненого Сафара. Картина внизу открылась страшная:

ущелье было завалено телами хунхузов, но и наших полегло немало.

И тут я увидел группу нанайцев. Они стояли на коленях вокруг тела, лежавшего на земле. Я подошел ближе, и сердце мое ухнуло вниз. На земле лежал Аодян. Молодой, сильный, еще вчера полный жизни вождь.

Орокан, чье широкое молодое лицо, казалось, в один миг превратилось в каменную маску, поднял на меня глаза.

– Он повел наших в атаку, когда хунхузы дрогнули, – глухо рассказал мне один из казаков, стоявший рядом. – Первым выскочил из-за камней, чтобы увлечь за собой остальных. И тут же его срезало... почти в упор. Если бы не он, они бы еще долго там сидели и положили бы наших куда больше.

Я смотрел на мертвое лицо Аодяна, на его юношеские, почти мальчишеские черты и чувствовал, как горечь победы становится невыносимой.

Орокан медленно поднялся.

– Он умер, как подобает вождю, увлекая за собой других, – произнес он, и в его голосе не было слез, только сталь. – Его дух теперь будет охотиться в небесной тайге, и он доволен.

Выпрямился – теперь именно он был вождем.

– Я веду их по тропе мести. Веди нас дальше, Тай-пен.

Прииск «Тигровый Зуб» встретил нас тишиной и запахом смерти. После короткого и жестокого боя в ущелье сопротивления здесь уже никто не оказывал. Уцелевшие хунхузы,

потеряв командиров и поняв, что их западня превратилась в могилу, просто растворились в горах, бросив все.

Пока Овсянников, хмурый и молчаливый, колдовал над разбитой головой Сафара, а нанайцы готовили тело Аодяна к погребению по их обычаям, нужно было делать дело. Приказав Мышляеву расставить дозоры и собрать трофейное оружие, я вместе с Софроном направился обыскивать бараки. Особое внимание – тому, где, судя по всему, располагался штаб убитого командира хунхузов.

Это была крепкая, сложенная из дикого камня фанза. Внутри, среди разбросанных мехов и пустых бутылок, наше внимание привлек окованный железом сундук, запертый на тяжелый замок. Тит, чье лицо было мрачнее тучи после ранения Сафара, одним ударом обуха снес его.

Но внутри не оказалось ни золота, ни серебра, ни опиума. На ворохе старого тряпья лежал туго свернутый и обернутый в промасленную кожу пакет. Софрон, развязав тесемки, протянул его мне.

Развернув жесткий, потрескавшийся сверток, я увидел несколько листов плотной бумаги, исчерченных тонкими, аккуратными линиями. Это были карты. Детальные, профессионально выполненные геологические карты всей долины реки Мохэ и прилегающих хребтов. На них были нанесены не только русла рек и тропы, но и обозначены пробы грунта, отмечены места с наибольшей концентрацией золота, сделаны точные инженерные расчеты по глубине залегания поро-

ды. Работа, требовавшая месяцев труда и серьезных познаний.

Но самое странное было не это. От карт исходил слабый, незнакомый, но чем-то неуловимо знакомый запах. И все пометки, цифры, каллиграфически выведенные расчеты были сделаны не китайскими иероглифами.

Они были сделаны на английском языке.

Рука, державшая карту, слегка дрогнула. Я смотрел на эти аккуратные, выведенные чужой, незнакомой рукой слова: Gold vein, Quartz outcrop, Estimated yield – и чувствовал, как по спине пробегает ледяной холодок. Дальше следовали сведения, собранные в таблицу. Это были не какие-то бандитские каракули. Это был отчет специалиста.

– Что это за грамота, командир? – глухо спросил Тит, всматриваясь в непонятные ему символы.

Подняв голову, я посмотрел, но увидел не его, а всю картину целиком, и она внезапно обрела зловещую, пугающую глубину. Хунхузы, фитильные ружья, разбой, грабежи... все это было лишь ширмой. Грязной, кровавой пеной на поверхности глубоких, темных вод.

– Это значит, – ответил я медленно, – что мы охотимся не на того зверя. За этим уродом, которого мы ищем, стоит кто-то еще. Кто-то очень умный, очень богатый. И, судя по всему, – я снова опустил взгляд на английские слова, – этот кто-то – из Европы.

Глава 2

Наши тяжкие размышления прервали крики снаружи.

– Что там такое? – спросил я, выходя.

– Китайцы местные бунтуют! Рабочие! – доложил Мышляев. – Выпустили их из бараков, они, как узнали про свободу, навострились отсюда бежать! Мы пытаемся их утихомирить – ни в какую! Идемте, без вас никак!

Пришлось бросить пока выяснение тайны карт и документов и заняться делами насущными. Чертыхаясь, я посмешил за Александром Васильевичем, на ходу проверяя барабан револьвера. Рабов на прииске явно было немало, и, если мы не найдем с ними общего языка, нас ожидают колоссальные проблемы!

Небольшая утоптанная каменистая площадка перед рабочими бараками была запружена почти восьмью сотнями рабов. Часть из них, подбежав к обрывистому берегу, спустились вниз, к воде, и, сняв широкополые шляпы из гаоляновой соломы, жадно пили прямо из реки: на время боя хунхузы заперли рабов в бараках, и многие сильно страдали от жажды. Кто-то просто сидел на площадке, оживленно переговариваясь, обсуждая события последних дней.

Но была крупная группа рабов, что вели себя агрессивно. Глядя на нас с недоверием и затаенным страхом, они сбились в огромную толпу, из которой неслись гортанные гнев-

ные выкрики. Похоже, для них мы были просто новой силой, пришедшей на смену старой. Я видел на их изможденных, безразличных лицах один и тот же немой вопрос: какими будут новые хозяева?

Особенно выделялся огромный, почти с Тита ростом, ханец с широким, свирепым лицом и руками, похожими на кузнечные молоты. Похоже, он был тут заводилой: собрав вокруг себя большую группу рабов, что-то яростно им говорил, отчаянно жестикулируя, и толпа вокруг согласно, глухо гудела, явно одобряя его слова.

– Кто он, и чего там орет? – спросил я подошедшего Лян Фу.

– Его зовут Ван, – волнуясь, объяснил тот. – Он говорит, что не верит нам. Что мы убили одних хозяев, чтобы занять их место. Говорит, что золото теперь их, по праву тех, кто поливал его потом и кровью. И требует, чтобы мы убирались!

Обстановка мгновенно накалилась. Мои бойцы, услышав эту дерзость, напряглись, взявшись за оружие. Мышляев, достав револьвер, мрачно взглянул на этого Вана и взвел курок. Увидев это, китайцы заволновались еще сильнее. Еще мгновение – и пролилась бы новая кровь.

– Стой, – бросил я Мышляеву, останавливая его жестом. Я повернулся к Лян Фу.

– Скажи, – тихо спросил я, чтобы слышал только он, – среди них есть ваши? Бывшие воины Небесного Царства?

Лян Фу внимательно всмотрелся в толпу.

– Есть, Да-бань, – после паузы кивнул он. – Я вижу несколько знакомых лиц. Тех, кого схватили после разгрома под Нанкином.

– Тогда иди, – решил я. – Иди и говори с ними. Не со всеми. Только с ними. Напомни им, кто они, за что воевали.

Это был удар в самое сердце их стихийного бунта. Лян Фу шагнул вперед и, перекрывая голосом выкрики сторонников Вана, заговорил. Он не просто обращался ко всей массе – нет, он выкрикивал имена, указывал на отдельные лица в толпе, горячо что-то втолковывал, взывая к прошлому. И у него получалось.

Разумеется, я не понимал слов, зато отлично видел, как меняется атмосфера: толпа бывших рабов, до того единая в своем недоверии, вдруг начала расслаиваться. Одни – те, к кому он обращался, – опускали головы, другие смущенно переглядывались. Свирепый Ван что-то яростно ревел, пытаясь удержать внимание паствы, но это мало помогало.

Вскоре из толпы начали выходить люди. Сначала по одному, потом десятками. Это были бывшие тайпины. Когда Лян Фу закончил речь, толпа, до этого безмолвная, взорвалась ревом. Но это был уже не враждебный гул, а крик воодушевления. Десятки людей разом скандировали одно слово: «Тайпин! Тайпин!» – подходили и становились за спиной Лян Фу. Когда их набралось больше сотни, Ван понял, что проиграл. За ним осталась лишь небольшая – несколько десятков, – но самая озлобленная и агрессивная часть рабов.

Теперь пришло время решать, что с ними делать. Убивать было не за что, но и оставлять здесь эту неподконтрольную вольницу я не хотел. Пусть убираются подобру-поздорову, в конце концов, они тут здорово натерпелись!

– Лян Фу, переводи, – громко сказал я, но так, чтобы все поняли, что это мое решение, а не инициатива командира тайпинов. – Я никого не держу. Каждый, кто хочет уйти, свободен. Дорога открыта.

Толпа замерла в недоумении. Даже Ван, услышав перевод, удивленно вскинул голову.

– Но! – Я поднял руку. – Золото, – я кивнул в сторону фанзы приказчика, где были найдены карты, – останется здесь. Мы, мой отряд, проливали за него кровь, штурмуя этот гадюшник. Это наша добыча, и она пойдет на покупку оружия для нашей общей войны.

По толпе прошел разочарованный ропот.

– Однако, – продолжил я, – я понимаю, что многим из вас нужно добраться домой, к своим семьям. Поэтому каждый, кто решит уйти, получит от меня провиант на дорогу, мешок проса и лян золотого песка, чтобы не умереть с голоду в пути. Выбирайте. Или уходите с миром и малой долей. Или оставайтесь с нами, берите в руки оружие и сражайтесь за большую долю, за свободу и за новую жизнь, или зарабатывайте и получайте честную плату.

Среди рабов начались яростные споры. Неудивительно: я дал им то, чего у них никогда не было – выбор. Ван, поняв,

что разбогатеть ему тут не светит, что-то яростно прорычал, развернулся и, сопровождаемый своими самыми верными сторонниками, пошел прочь, к выходу из ущелья. Остальные остались. Они смотрели на меня – уже не со страхом, а с восторженным уважением.

– Теперь они с нами, – сказал Лян Фу, подойдя ко мне. – Они будут не рабами, а воинами. Нашими братьями.

Тем временем вернулся Тит.

– Командир, я там склады проверил. Золота тут в закрытых складах немного – видимо, все добытое сразу свозили в Силинцзы, но с полпуда найдется...

– Вот так славно! Полпуда золота – это мало? – удивился Мышляев.

...чумиза и гаолян есть в достатке, а уж инструмента – на три таких прииска хватит. Кирки, лопаты, тачки, ворота... Все в исправности. Можно хоть завтра начинать работу.

Выслушав доклад, я кивнул, глядя, как бывшие рабы обступают тайпинов, жадно слушая их рассказы. Да, прииск должен был снова заработать, и чем быстрее, тем лучше. «Тигровый Зуб» – самый богатый из приисков Тулишена, почти неуязвимый для внезапной атаки извне, будет нашим главным форпостом.

Остаток дня пролетел в мелких хозяйственных заботах: уходящим рабам вручали золото и провиант, заканчивали ревизию продовольствия и прочих припасов, распределяли наших новых работников по бригадам. Лишь когда солнце

зашло за западные вершины Хингана, я смог вырваться из этой круговерти и хотел было вернуться к изучению таинственных карт, но меня вызвал доктор Овсянников.

– Владислав Антонович, будьте любезны, пройдемте в наш лазарет! Меня очень беспокоит состояние Сафара!

Встревожившись, я поспешил за ним.

В небольшой фанзе рядом с домом управляющего, где разместился наш импровизированный госпиталь, лежало восемь тяжелораненых. Сафра устроили на кане у стены. Даже в неясном пламени свечи было видно, что Сафару стало хуже. Что-то глухо бормоча по-башкирски, он метаться на своей импровизированной койке, а лицо его горело лихорадочным румянцем. Овсянников, потрогав его лоб, с мрачным лицом покачал головой:

Пuls слабый, аритмичный. Жар. Как я и боялся, началось воспаление мозга. Если мы не обеспечим ему полный покой и правильный уход, он может и не выжить. Здесь, в походных условиях, я бессилён. Ему нужно обеспечить достойные условия выздоровления. Надо отправить его обратно в Силицы – оставлять его здесь, в горах, равносильно смертному приговору.

– Доктор, перенесет ли он путешествие до города? – с беспокойством спросил я, вспоминая, сколь труден был путь до прииска «Тигровый Зуб». Овсянников тяжело вздохнул.

– Да, его можно доставить, но только на носилках. Выделите несколько пар толковых людей. Я буду сопровож-

дать их.

– А остальные раненые?

– Их состояние не внушает опасений. Впрочем, я взял бы еще вот этого, – он указал на лежавшего рядом с Сафаром нанайца с простреленным плечом, – поскольку опасаясь нагноения...

– Курила... – раздался вдруг тихий шепот, прервавший наш разговор.

Сафар пришел в себя. Похоже, жар немного спал, но слабость была такова, что он едва мог пошевелить головой. Он с трудом сфокусировал на мне взгляд, и его потрескавшиеся губы шевельнулись.

– Не уходи... – прохрипел он.

– Я не уйду, Сафар. Уходишь ты. В город, в лазарет. Тебе нужно лечиться.

В его глазах на мгновение мелькнула паника. Он попытался приподняться, но не хватило сил. Его рука нащупала мою и вцепилась в нее с неожиданной, лихорадочной силой.

– Нет... я должен... с тобой... – прохрипел он, и его взгляд стал лихорадочным и ясным. – Он забрал у меня все, Курила. Все. Я дышу только для того, чтобы увидеть, как он будет подыхать. Я не могу здесь лежать... Не могу... пока эта тварь ходит по земле. Это... несправедливо...

Он говорил, задыхаясь, и каждое слово отнимало у него последние силы. Глядя в его горевшие безумным, черным огнем глаза, я видел – эта жажда мести была последней ни-

тью, за которую душа цеплялась в этом мире.

Я опустился на колени рядом с его каном, чтобы наши глаза были на одном уровне.

– И ты увидишь. Слышишь? – сказал я твердо. – Ты все увидишь.

– Я... должен... быть там... – прошептал он.

– Ты там будешь. Ты пойдешь со мной, – твердо пообещал я. – Но сначала ты должен встать на ноги. Мертвый, ты мне не помощник. Клянусь тебе, – я накрыл его горячую, сухую руку своей, – ты получишь Тулишена или его голову. Я принесу ее тебе. Но ты должен выжить. Ты мне еще нужен. Живым. Понял?

Он долго, не отрываясь, смотрел мне в глаза, словно пытаясь прочесть в них правду. Затем медленно кивнул, и его хватка ослабла. Он закрыл глаза, измученный этим коротким разговором.

На выходе из лазарета меня поймал Тит.

– Что с ним? – коротко спросил он.

– Плох. Надо везти в Силинцзы. Придется всю дорогу тащить его на носилках. Выделю людей, и завтра с утра они пойдут.

– Я с ним, – глухо сказал он.

– Мне здесь нужны бойцы, Тит.

– А ему нужен друг, – просто ответил он, и в его голосе было столько тяжелой, мужицкой вины, что я не нашел в себе сил возражать.

Утром конвой из десятка носильщиков под надзором Овсянникова и дюжины бойцов под командованием Тита двинулся в путь, увозя в тыл раненых и моего лучшего воина, чья жизнь теперь висела на волоске. Я смотрел им вслед, пока отряд не скрылась за поворотом ущелья, и чувствовал, как что-то внутри холодеет. Словно я только что отправил в тыл собственную душу.

Поутру я собрал командиров на совещание. На столе, освещенном лучами вышедшего из-за гор солнца, тускло поблескивал развернутый лист шелка – та самая карта, что рисовал в Силинцзы до смерти перепуганный приказчик. Палец мой уперся в последнюю, самую жирную кляксу, обведенную кругом. «Золотой Дракон». Самый последний прииск Тулишэня, его главная цитадель в этих краях.

Все молчали, понимая, что впереди самый тяжелый бой. Беглый допрос местных рабов показал, что находится он за рекой, в узкой горной долине, по которой бежит быстрый мутный ручей. Гарнизон прииска составлял четыре десятка бандитов, плюсом к тому часть хунхузов из Тигрового Зуба сбежали туда. А в горах даже сорок человек – серьезная сила, особенно когда они знают местность. В прошлый раз во время боя в ущелье нам, можно сказать, повезло с той козьей тропой. А если бы ее не было?

В общем, выходило, что первым делом надо разведать местность.

– Нам нужны глаза за рекой, – произнес я, оглядывая собравшихся. Никто не высказал возражений: прошлые победы достались нам дорогой ценой, и идти на штурм последней, самой защищенной крепости вслепую было бы чистым безумием.

– Так, приведите сюда Сяо Ма! – приказал я командиру тайпинов, и он отдал необходимые распоряжения. – И заодно Орокана.

Вскоре маленький китаец предстал перед нашим «штабом». Юнец, еще недавно бывший забитым рабом, теперь держался с достоинством разведчика, доказавшего свою храбрость. Вскоре появился и Орокан. Теперь, после гибели прежнего вождя, именно он вел нанайцев.

– Слушайте внимательно. Нам надо тщательно разведать подходы к последнему прииску Тулишена, – объяснил я боевую задачу. – Вам нужно переправиться через Желтугу. Найти «Золотой Дракон». Носа туда не совать, – я поднял палец, – в бой не вступать ни в коем случае. Мне нужно знать все: сколько их, где укрепления, где посты. Есть ли у них секреты – тайные тропы, слабые места. Осмотрите все, запомните. Будьте осторожны: хунхузы нас ждут. Возможны засады. И повторяю: при обнаружении противника немедленно возвращайтесь!

Разведчики приняли задачу. Через полчаса они и еще десяток лучших нанайских охотников выскользнули из лагеря и растворились в тайге. Теперь нам оставалось только ждать.

И это ожидание было самым тяжелым испытанием.

Пока разведка прощупывала вражеское логово, я решил прощупать собственные силы и приказал Мышляеву построить всех, кто способен держать оружие.

Когда бойцы выстроились на плацу перед сожженным бараком, картина получилась удручающей. Погибших в боях было не так уж много, но раненые, больные, а особенно оставленные гарнизонами на уже захваченных нами территориях сильно ослабили отряд. С тяжелым сердцем я обошел строй: наличные силы уменьшились вполовину.

– Докладывай, – бросил я Мышляеву.

Александр Васильевич со значением указал на нестройные ряды наших воинов, в которых зияли красноречивые прорехи.

– Штурм Силинцзы и бой в ущелье дались нелегко, Владислав Антонович. У меня в строю двадцать два человека. Остальные либо в земле, либо в лазарете, либо остались в гарнизоне. Казаков в строю – двенадцать. Конский состав тоже сильно пострадал – у многих на камнях сбиты ноги. Нанайцев и тайпинов тоже убыло вполовину.

Нда... Мало, катастрофически мало! Итого, если учесть нанайцев, которых Орокан увел в разведку, у меня не набиралось и сотни проверенных воинов. И этой горсткой надо штурмовать последний, самый укрепленный прииск, где, скорее всего, засела вся уцелевшая свора Тулишэня.

– Что скажете? – мрачно глядя на сбитые сапоги наших

бойцов, спросил я Мышляева.

– Маловато нас, – тихо ответил он. – Просто сомнут числом.

Он был прав. Я стоял перед своим поредевшим войском и с ледяной ясностью понимал: идти дальше с теми силами, что у меня есть, – чистое самоубийство. Нужно было что-то решать.

– И что вы предлагаете? Какие мысли, Александр Васильевич?

– Надо подождать результатов разведки, я полагаю! Кроме того, можно дожидаться возвращения отряда Тита, отправившего тяжелораненых в Силинцзы. Это еще десяток бойцов. Также в ближайшие дни несколько легкораненых должны вернуться в строй. Конечно, можно вызвать людей, оставленных гарнизоном в Силинцзы, но... это опасно. А более ничего и не придумаешь!

Пожалуй, он был прав. Единственный ресурс, который у нас имелся в избытке, – это сотни вчерашних рабов. Измученных, сломленных, но злых.

И я решил рискнуть. Вновь подзвав к себе Лян Фу, я спросил лидера тайпинов:

– Ты разговаривал с бывшими тайпинами. Есть ли среди них те, кто готов снова взять в руки оружие?

Он молча кивнул, ожидая дальнейших распоряжений.

– Иди к бывшим тайпинам, поговори с ними. Напомни, что такое настоящее оружие и дисциплина. Скажи им вот

что: я никого не неволю. Кто хочет остаться здесь и мыть золото – пусть остается. Но те, кто отправится со мной до конца, на последний штурм, войдут в твой отряд и разделят наравне со всеми всю военную добычу. А она будет большой. Пусть выбирают сами.

Лян Фу ушел. А я вышел на плац. Через полчаса он привел ко мне около двух сотен человек. Это были те самые бывшие тайпины, которых он выделил из толпы еще в первый день.

– Эти люди готовы сражаться! – заявил цзюнь-шуай² тайпинов.

Кандидаты в рекруты стояли молча, глядя на меня с ожиданием и надеждой.

Начался отбор. Мы с Мышляевым медленно пошли вдоль неровного строя, оценивая осматривая каждую фигуру. Раз уж у нас столько желающих, надо отобрать тех, кто покрепче: среди рабов было много слабосильных, истощенных болезнями, побоями и тяжелым трудом. Понятное дело, атлетов среди них не найдешь, но и уж совсем задохликов брать в отряд не хотелось.

– Этот, – ткнул я пальцем в жилистого бритоголового китайца с бычьей шеей. – Этот, – указал на жилистого, сухого, как корень, старика, в чьих глазах не было ничего, кроме ненависти. – Нет, не этот, слишком худ, кашляет. А вот этого возьмем.

Мышляев действовал еще проще. Он подходил, без слов

² Командир (кит.).

хватал человека за плечо, разворачивал, щупал мышцы на руках и спине.

– Кости крепкие, – бросал он или отрубал: – Хлипкий, не пойдет!

Таким образом мы в течение часа отсеивали больных, откровенно истощенных, слишком старых или совсем уж зеленых юнцов. В итоге перед нами стояли шестьдесят человек. Это, конечно, были еще не солдаты, но уже крепкий, добротный материал, из которого можно попытаться вылепить полноценных бойцов.

Затем началась раздача оружия. Первым трем десяткам повезло: им под строгим взглядом Мышляева выдали захваченные у хунхузов фитильные и кремневые ружья. Оружие было разномастным, часто старым, но это настоящий огнестрел. Четырем счастливицам даже достались штуцеры! Бойцы тут же принимались их разглядывать, цокая языками, примериваясь к прикладам. Лян Фу, не теряя времени, тут же выделил нескольких толковых тайпинов, поручив им провести экспресс-курс молодого бойца по обращению с таким ценным оружием.

А вот остальным тридцати повезло куда меньше. Когда ружья кончились, бойцам стали вручать то, что осталось, – хунхузское холодное оружие: длинные, похожие на косы, кривые тесаки-дао, китайские алебарды – гуаньдао и неуклюжие пики с украшенными султанами наконечниками. Самым невезучим вручили несколько заточенных с одной сто-

роны кайл.

Глядя на них, Мышляев покачал головой:

– Бесплезное дело, – глухо сказал он, кивнув на тех, кому не достался огнестрел. – В штурме от них толку будет мало. Разве что в первой волне пустить... на убой.

– Никаких «на убой», – отрезал я жестко. – Смертников у нас не будет. – И, подойдя к новобранцам, приказал: – Лян Фу, переведи им: те, у кого ружья, – передняя линия. Ваша задача – огонь. Остальные, – я обвел взглядом тех, кто стоял с тесаками и пиками, – в резерв. Будете прикрывать тыл. Вступать в бой – только по моему прямому приказу. И только тогда, когда враг будет сломлен. Усвоили?

Теперь требовалось провести несколько тренировок: бывшим тайпинам необходимо было обновить свои боевые навыки. За бараками устроили стрельбище, из соломы и глины налепили болванов и стали палить в них с разных дистанций. Поначалу дело шло не очень. Глядя на эту разношерстную, плохо вооруженную армию, я с особой остротой понял, насколько все зависит от того, с какими вестями вернутся из-за реки Орокан и Сяо Ма. От их глаз теперь зависели жизни всех этих людей.

Разведка вернулась на исходе третьего дня, под покровом вечерних сумерек. Их встретил наш лесной дозор из нанайцев. Вид у Орокана и Сяо Ма был страшно измотанный, одежда превратилась в лохмотья. Сяо Ма выглядел виноватым, а на гладком лице молодого нанайца застыло подавлен-

ное, мрачное выражение.

– Плохие вести, Тай-пен, – глухо сказал Орокан, и Лян Фу, находившийся здесь же, тут же перевел: – Дороги к «Золотому Дракону» больше нет.

Оказалось, что они добрались до реки, до того самого каньона, о котором говорил приказчик. Но дальше пути не было. Единственный подвесной мост, перекинутый через Желтугу, по которому шло все снабжение прииска, уничтожен. Огромные несущие канаты перерублены, деревянный настил рухнул в стремительно кипящий поток. Вброд Желтугу в этом месте не перейти, река неслась по камням с яростью бешеного зверя.

– Но это еще не все, – продолжил Орокан.

Он развязал небольшой кожаный узелок и выложил на стол несколько предметов. Медальон европейской работы, несколько медных пуговиц.

– Мы нашли это у сломанного моста. А потом нашли и его самого, – рассказал Орокан.

Как выяснилось, на берегу реки чуть ниже бывшей переправы они наткнулись на труп «белого дьявола». Вероятнее всего, это был тот самый рыжий «мистер Фосс». Одет он был в манере, свойственной путешественникам: крепкие вельветовые штаны, добротные кожаные сапоги, остатки твидовой куртки. Орокан не стал вдаваться в подробности, но из его рассказа стало ясно: тело было страшно изуродовано, грудь и живот растерзаны так, словно его драл медведь или тигр.

Но на голове, среди спутанных рыжих волос, темнело аккуратное пулевое отверстие. Его доби́ли, как раненого зверя.

В фанзе повисла тяжелая, гнетущая тишина. Все мои командиры молчали, ошеломленные этой новостью. Мы столкнулись с двумя, казалось бы, неразрешимыми загадками.

Первая – как взять неприступную крепость, от которой нас теперь отрезала пропасть? Вторая, и самая главная, – кто убил европейца?

Глава 3

На следующий день я решил сам проехаться вдоль по берегу реки, изучить возможность переправы. Не то чтобы у меня не было веры докладам разведки – нет, просто на войне можно доверять только собственным глазам. Орокан и Сяо Ма – толковые ребята, но есть вещи, которые мог правильно оценить только я сам. Поэтому на рассвете я, Орокан и еще несколько бойцов выступили к разрушенному мосту.

Тропа петляла по склонам. Лишь к концу дня мы вышли месту назначения, где когда-то был переброшен мост. Доклады не врали – реальность оказалась даже хуже: опоры из крепкой, потемневшей от времени сосны были разрушены. Остатки моста лежали далеко внизу, там, где в глубокой каменной расщелине ревела взбесившаяся Желтуга. Мутные, желтые воды с грохотом бились о валуны, превращаясь в клокочущую пену. А над этим адом оборванными нитями висели пеньковые канаты – все, что осталось от переправы.

В подозрную трубу на том берегу, на почти отвесной скале, я отчетливо видел несколько фигур. Часовые хунхузов сидели у костров в накидках из соломы.

Сложив подозрную трубу, я задумался. Штурмовать эту стену, форсируя под выстрелами, – чистое самоубийство. Можно, конечно, перебраться через реку выше или ниже по течению, подобрав неохраняемый и не очень обрывистый

участок. Но все равно это рискованно – придется идти по совершенно незнакомой горной местности без каких-либо ориентиров и троп.

– Что думаешь? – спросил я Орокана, тоже всматривавшегося в противоположный берег, щуря узкие глаза. Он смотрел без подозрительной трубы, но, казалось, видел больше моего.

– Ловушка, – глухо произнес молодой охотник. – Они там, как медведь в берлоге. Сами не выйдут!

Хм. А ведь он прав! Для засевших на прииске хунхузов этот каньон не только крепость, но и западня! И раз они нас так испугались, что сдуру сломали единственный соединяющий их с миром мост – пусть там теперь без провианта и сидят!

– Отлично! – после паузы произнес я. – Эта берлога станет их могилой. Рано или поздно жратва у них закончится, и тогда сами полезут из норы – прямо к нам в руки!

Оставив троих нанайцев в скрытом «секрете» на скале с приказом вести круглосуточное наблюдение, мы двинулись дальше, к другой, еще более страшной находке.

Орокан привел нас к ручью, впадавшему в Желтугу. Там, зацепившись за корягу, лежал человек. Рыжий мистер Фосс. Наши разведчики нашли его в ледяной воде, в промокшей дочерна твидовой куртке, и вытащили на берег. Теперь он лежал лицом вниз. Орокан повернул тело набок, показывая, что грудь и живот были растерзаны – словно его долго и яростно кромсали когтями и зубами.

– Что думаешь?

– Росомаха, – коротко бросил Орокан, указывая на рваные раны. – Или волки. Пришли на кровь, уже после.

Опять я согласился с нанайским следопытом. Звери пришли потом, а убил его не зверь. Я смотрел на аккуратное, почти незаметное пулевое отверстие в затылке. Выстрел с близкого расстояния, но выходного отверстия нет. Это не смерть в бою, нет, – да тут и боя-то никакого не было. Его просто пристрелили.

Опустившись на колени, я вглядывался в мертвое лицо европейца. Кем ты был, мистер Фосс? Кто пустил тебе пулю в затылок? Зачем? И главный вопрос – где этот человек сейчас?

Повернув тело, я вдруг заметил пристегнутую к поясу плоскую кожаную сумку. Это было непохоже на обычные торбы путешественников: скорее, она напоминала военный планшет.

– Не смотрели, что там? – спросил я у Орокана.

– Она пустой! Так было!

Действительно, сунув руку в открытый клапан, я заметил, что сумка абсолютно пуста.

Больше ничего интересного на теле обнаружить не удалось.

Вернулся я на прииск уже затемно, злой, как черт, но зато с готовым решением. На общем построении, глядя в усталые и вопрошающие лица моих бойцов, без обиняков объявил:

– Штурма не будет. Устроим этим гадам блокаду! Садимся здесь и ждем, пока они не начнут пухнуть от голода.

Новость была встречена гробовым молчанием. Мои ка-торжане и тайпины, кажется, приняли эту новость со скрытым облегчением, нанайцы, уже, предупрежденные Ороканом, – как должное. Но зато со стороны казачьей ватаги сразу же поднялся ропот. Из их рядов вышел урядник Епишев – жилистый, бородатый мужик, сменивший оставшегося в городке хорунжего.

– Не пойдет, господин начальник, – сказал он, и хоть голос его был уважителен, в глазах светилось упрямство. – Мы занимались на бой, а не в карауле сидеть да комаров кормить. У нас дома страда идет, опять же, осень скоро, путина, кета пойдет. Бабы одни не справятся! Опять же, смотр скоро осенний – что начальство скажет, ежели мы в строй не явемся? Пора нам назад собираться. Верно, станичники?

За его спиной согласно и хмуро закивали. Назревал бунт. Посмотрев на их обветренные, упрямые лица, я понял: они устали. Угрожать им – последнее дело. Ну что ж... за последние дни мое маленькое войско пополнилось добровольцами из бывших рабов, так что отпустить восвояси два десятка казаков я могу себе позволить.

– Ладно, понимаю, – миролюбиво произнес я. – Вас нанимали на бой, а не на сидение в осаде. Вы свое слово сдержали, дрались как львы и заслужили отдых. Все, можете ехать. Я вас не держу.

В казачьих рядах прошел удивленный шепот.

– И награду свою вы получите, – добавил я. – Полностью, как договаривались. По фунту золота на каждого.

Казачи восторженно загудели – такая щедрость, особенно после их недавней выходки в Силинцзы, оказалась полной неожиданностью. Урядник даже растерянно крикнул, не зная, что ответить.

– Одно только «но», ребята, – поднял я палец. – Здешнего приискового золота мало, да и то, что было, разошлось на пособие бывшим рабам. А основная наша казна – в Силинцзы. Придется вам подождать пару дней, пока я туда смотаюсь и привезу ваш расчет. Ну, заодно и Сафара нашего с ранеными проведу.

Конфликт был исчерпан.

Можно, конечно, вместе с ними было вернуться, но пусть пока в охране посидят, лишним не будет.

Позже, когда казаки уже с оживлением обсуждали, кто что купит, вернувшись домой, я позвал в свою штабную фанзу Лян Фу. Он вошел молча, сел напротив. Настало время для серьезного разговора.

– Цзюнь-шуай, – начал я, впервые обратившись к нему по его официальному тайпинскому чину. – У нас с тобой теперь есть земля, четыре прииска, и армия. – Тут я сделал паузу. – Предлагаю тебе стать здесь управляющим.

Он посмотрел на меня с несказанным изумлением.

– У меня много дел в России. Я не могу отлучаться оттуда

надолго. Так что давай договоримся так: я налаживаю добычу золота, – продолжил я, – закупаю хорошее оружие, штуцера, если понадобится, вербую новых бойцов – в общем, ставлю тут дело на правильную ногу, и уезжаю. А ты здесь, на приисках, остаешься за главного. Организуешь работу, поставишь охрану, будешь следить за порядком. Будешь от меня управлять этой долиной.

– И каковы условия? – спросил он так же прямо.

– Смотри, треть всего золота, что вы добудете, твоя. На твою армию, на твою войну, на твое Небесное Царство. Можешь хоть императором себя объявить, мне плевать. Но две трети – мои. Это плата за оружие и за мою защиту. Если кто сунется – мои бойцы придут на помощь.

Я протянул ему руку.

– Идет?

Лян Фу посмотрел на мою руку, потом мне в глаза.

– Только есть одна проблема, – предупредил я его, – это соглашение придется согласовать с моими компаньонами. Завтра мы возьмем с собою Сян Ма и поедем в Силинцзы. Там все окончательно и обсудим.

Утром следующего дня мы втроем выехали в направлении города... Проезжая с прииска Тигровый зуб до Силинцзы, мы вместе с Лян Фу, новоиспеченным управляющим, еще раз осмотрели три ранее захваченных рудника. Все они были меньше «Тигриного зуба», но явно приносили когда-то немалый доход. Однако сейчас все работы здесь были оста-

новлены: рабы разбежались, предварительно разграбив запасы продовольствия. Кроме того, часть работников с «Тигрового Зуба» ушла вместе с Ваном, а часть – перешла в категорию военнослужащих. Похоже, наступило время наладить работу рудников, но для этого нужны были люди – главным образом работники. Впрочем, от надежных солдат я бы тоже не отказался – неизвестно, что еще выкинет этот Тулишен, где он проявится вновь. А в том, что он придет за своим золотом, я не сомневался.

И когда мы вместе с Лян Фу ехали с приисков в Силинцзы, на привале я задал ему этот мучивший меня вопрос.

– Нам нужны люди, цзюнь-шуай. Примерно тысяча работников. Кроме того, мне нужно больше солдат – смелых, преданных, готовых на все. Таких, как твои тайпины. Где мне их взять?

Лян Фу долго молчал, глядя на тлеющие угли костра.

– Тысяча, – сказал он наконец глухо. – Тысячи наших братьев, воинов Небесного Царства, после поражения под Линьцыном томятся в рабстве по всей Маньчжурии. Император Цинов приказал казнить всех, кто попадает в руки, но многие военачальники нарушили этот приказ ради денег, что можно выручить от продажи пленных. И теперь базары наполнены нашими братьями. Их продают, как скот, на невольничьих рынках. Они потеряли все – веру, надежду, оружие. Но не разучились ненавидеть.

Он поднял на меня свои темные, горевшие холодным ог-

нем глаза.

– Самый большой рынок в Мукдене, столице этой провинции. Там можно купить все что угодно. Если у тебя есть серебро, Тай-пен, ты можешь купить там и рабов, и даже готовую, преданную тебе армию!

Эта мысль, прямо скажем, запала в душу. Разве не правильно будет потратить захваченное нами золото, чтобы выкупить из ада тех, кто уже был солдатом, кто ненавидел этот мир и готов был сжечь его дотла? Поиск Тулишэня и его хозяев-европейцев приобретал теперь новый, практический смысл.

Наконец, после пяти дней пути мы выбрались из диких гор и вышли на дорогу в Силинцзы. Подъезжая к городку, я сразу же заметил перемены. На восстановленных стенах теперь через каждые сто шагов стояли часовые. В утренней дымке виднелись фигуры, методично прохаживающиеся по гребню стены. Ворота, которые мы разнесли в щепки, были не просто заделаны, а отстроены заново, теперь еще крепче, из толстых, просмоленных бревен.

На расчищенной площадке у стены гоняли до седьмого пота новобранцев из решивших примкнуть к нам местных китайцев. Держа длинные толстые палки, на которые были насажены штыки, рекруты с хэканьем кололи соломенные чучела. Кругом слышались глухие удары железа о дерево, резкие гортанные команды – жизнь, подчиненная военному порядку, брала свое.

У самых ворот меня уже ждал Левицкий. Корнет выглядел хорошо отдохнувшим, а одежда его представляла собой пеструю смесь китайских и европейских вещей, – совсем не то, чего ожидаешь от сурового коменданта крепости. Мы обнялись.

– С возвращением, Владислав Антонович! – радостно сказал он, крепко пожимая мне руку.

– Как Сафар? – тут же задал я давно мучивший меня вопрос.

– Неплохо. Доктор говорит, стабилен. Даже лучше, чем можно было ожидать, – ответил он. – Но об этом тебе Тит расскажет, он от него не отходит.

– Что происходит в городе?

– Да все идет своим чередом. У нас тут свои заботы: местные лавочники одолели жалобами – требуют платы за фураж для лошадей, за дрова, за все подряд. Слишком уж осмелели от нашего доброго отношения! Пришлось ввести жесткие правила, а двоих наших выпороть за откровенный грабеж. Люди расслабились, мира захотели.

Я кивнул, прекрасно, однако, понимая, что мир им в ближайшее время не светит.

– Были еще гости, – продолжил Левицкий, когда мы шли по главной улице к ямэню. – Три дня назад пришел торговый караван из Мукдена. Чумизу привезли, рис, чай. Я их пропустил, разумеется, но велел своим людям присмотреть – уж больно у них глаза любопытные были. Похоже, слухи

о том, что у долины Мохэ появился новый, дерзкий хозяин, уже пошли гулять по всей провинции.

– Пусть гуляют, – бросил я. – Нам же лучше.

Едва мы вошли во двор ямэня, как из дверей с радостным ревом на меня вылетел Тит. Его медвежьи объятия были так сильны, что у меня хрустнули ребра.

– Командир! Вернулся! – гудел он, хлопая меня по спине своей ручищей-лопатой.

– Отпусти, медведь, задушишь! – прохрипел я, пытаюсь вырваться. – Рассказывай лучше, как он там?

Тит тут же посерьезнел.

– Лучше ему, командир. Точно тебе говорю, лучше. Вчера в первый раз сам ложку в руках держал! – В его голосе звучала неподдельная гордость. – А эта китаянка... Мэйлин ее теперь зовем... она от него ни на шаг не отходит. Что-то ему на своем шепчет, отвары какие-то варит из трав, которые ей нанайки приносят. Доктор наш злится, кричит – знахарство, антисанитария! А я вот думаю, – Тит понизил голос до заговорщицкого шепота, – может, оно и лечит-то получше всяких дохтурских порошков? Он при ней почти и не хмурится...

– Ну, пойдём посмотрим, как он там!

После разговора с Титом я прошел в комнаты, где устроили лазарет. Сафар лежал на широком кане, укрытый одеялом. Он был бледен и худ, но взгляд, которым он меня встретил, был ясен и тверд.

Рядом с ним на коленях стояла та самая китаянка с изуродованными ногами, которой он подарил заколку. На ее лице не было страха, лишь тихое, сосредоточенное сострадание. Она терпеливо, буквально с материнской нежностью подносила к его губам ложечку с дымящимся бульоном.

Заметив меня, Мэйлин бесшумно поднялась и вышла, мелко семеня бинтованными ногами.

– Как ты? – спросил я, присаживаясь на край кана.

– Буду жить, – глухо ответил он. Чувствовалось, что говорить ему еще тяжело. – Голова... звенит. Но это пройдет. Я должен встать на ноги. Скоро.

– Лежи, – сказал я. – Тебе нужен покой.

Он медленно покачал головой.

– Нет. Я должен найти его. Ты обещал...

– И я сдержу слово, – перебил его я. – Но, думаю, нам не придется его искать, Сафар. Не волнуйся. Он сам к нам придет.

Сафар вопросительно поднял бровь.

– Думаешь, он просто так оставит свое золото? – я усмехнулся. – Нет. Такой, как он, не оставит. Он соберет людей. И вернется сюда. Обязательно. А мы будем его здесь ждать. Так что лечись. Ты нам еще понадобишься.

Поговорив еще немного, я ушел, лелея надежду, что, возможно, эта молчаливая, искалеченная девушка сможет сделать то, чего не смогли ни наша победа, ни золото, ни даже месть. Может, она вернет Сафару желание жить.

Вечером того же дня я собрал всех своих. За низким красным столом сидели все, на ком теперь держалась наша власть: Левицкий, хмурый Софрон, могучий Тит, молчаливый Мышляев и, чуть особняком, невозмутимый Лян Фу.

Без особых предисловий я обрисовал ситуацию: остатки хунхузов заперты за рекой, пока Тулишэнь где-то там собирает новую свору. Его белые хозяева тоже не оставят свои золотые карты в покое. Рано или поздно они вернутся. И к их приходу мы должны превратить эти дикие горы в неприступную крепость, а разрозненные прииски – в единый, работающий механизм.

– Для этого нужен хозяин. Один. Тот, кто будет здесь, на месте, каждый день. – Я сделал паузу и посмотрел прямо на китайца. – И я решил, что этим хозяином, управляющим всеми четырьмя приисками, будет цзюнь-шуай Лян Фу.

В зале повисла напряженная тишина. Я видел, как изумленно вскинул брови Левицкий, как недовольно засопел Тит. Поставить над ними, над русскими, пусть и союзника, но китайца? Это шло вразрез со всем, к чему они привыкли.

– Владислав, ты уверен? – первым нарушил молчание Левицкий. – Он... чужой. Свои могут не понять.

– А кто свой? – Я обвел их жестким взглядом. – Тот, кто делит с нами хлеб и пули, тот и свой. Или ты, Владимир, хочешь остаться здесь наместником? Ты, конечно, дворянин и прирожденный администратор, но ты нужен мне в России. Да и сам ты захочешь ли жить здесь и разбираться в местных

тонкостях? Мне думается, тебя ждет лучшее будущее. Или, может, ты, Софрон? У тебя есть опыт управления сотнями людей? То-то же.

Оба промолчали. Они прекрасно понимали, что управлять этой массой вчерашних китайских рабов они не смогут.

– Лян Фу – другое дело. Он, можно сказать, местный, плоть от плоти, – продолжил я. – Они верят ему. Пойдут за ним. И только он сможет заставить эту машину работать. Другого выхода у нас нет.

Наступило время решений. Я озвучил свою идею: Лян Фу и его люди получают в полное распоряжение прииски. Они организуют работу и внутреннюю охрану, в том числе и от запертых за рекой хунхузов. Треть всего добытого золота – их доля. На эти деньги он кормит своих людей, одевает, платит им жалование, – в общем, расходов у него будет немало.

– А остальные две трети? – практически поинтересовался Софрон.

– Остальные – наши. Они пойдут в общую казну. На закупку в России настоящих ружей, а не этих самопалов. На паровые машины для промывки. На динамит. На все, что сделает нас непобедимыми. А самое первое – на привлечение новой рабочей силы и охраны.

Дискуссия была долгой и жаркой, в конце концов, скрепя сердце все согласились:

Лян Фу становится наместником на приисках. Господин Левицкий так и побудет пока комендантом Силинцзы, на

нем весь гарнизон и тыловое обеспечение. Тит и Софрон вместе с Мышляевым должны превратить наш разношерстный отряд в настоящую армию, обучить новобранцев, наладить оборону, подготовиться к возвращению Тулишэня, которое было так же неизбежно, как восход солнца.

– А ты? – спросил Левицкий, когда, казалось, все было решено. – Какова твоя роль во всем этом?

Глава 4

– А я, – произнес я, поднимаясь, – отправляюсь за новой армией.

И рассказал им свой план посетить невольничьи рынки Мукдена, где за золотой песок и серебро можно купить тысячи работников, а также сотни верных и злых солдат. И о том, что после этого поеду в Россию, чтобы запустить в работу Бодайбо. Потому что война, которую мы затеяли, требует очень, очень много золота.

– Уезжаю с рассветом. Со мной Сяо Ма, Лян Фу, да пятерку в охрану возьму. Оставляю все на вас, господа. Не подведите. И еще с казаками расплатитесь да домой их отпустите, на прииск людей в охрану хотя бы десяток отрядите.

Однако, переговорив с бывшим управляющим Тулишена, я крепко задумался – стоит ли ехать до самого Мукдена. Оказалось, столица Маньчжурии находится аж в двух тысячах ли от приисков – это целая тысяча верст. Хорошенько все обсудив, мы решили сначала добраться до Цицикара – довольно крупного города Северной Маньчжурии, находившегося вдвое ближе, а уж если там не получится найти нужного числа рабов, ехать в Мукден.

Кроме того, выяснилось, что глубинные районы Маньчжурии так же небезопасны, как и приграничье. Хунхузы опустошали страну вплоть до самого Желтого моря, а юж-

нее эстафету перенимали правительственные войска, добивавшие восстание тайпинов. Так что не было и речи о том, чтобы проехать тысячу верст с пудами золота и всего лишь несколькими сопровождающими. Нужна полноценная и зубастая охрана, которую я решил увеличить до десяти человек.

– Серж. Давай я поеду с тобой! – предложил неожиданно Левицкий.

На что я согласился.

Ехать решили верхом, а заодно взять выючных мулов и лошаков, приученных тащить груз. Конечно, нанайцам, непривычным к такому способу передвижения придется несладко, но устанавливать рекорды скорости мы не собирались, а шагом на лошади могут ехать и не особенно подготовленные люди.

И вот поутру следующего дня маленький, но хорошо вооруженный отряд выехал из ворот Силицы. Наш путь лежал на юго-восток, в туманную неизвестность, имя которой было Цицикар.

Мы намеревались проехать через земли, казалось, позабытые и богом, и людьми. Северная Маньчжурия удивительно пустынна, и наш маленький отряд медленно под скрип седел и мерное фырканье лошадей втягивался в это безмолвное гористое пространство. Позади во выюках покачивалось золото для приобретения рабочих и припасы на несколько дней.

– Удивляться приходится, такие земли богатые, а народу чуть! – сокрушался Парамон, озираясь по сторонам. – Тут же паши не хочу!

– Маньчжура юг ушла. Китайса здесь нельзя! – коряво пояснил он. После долгих расспросов я понял, что он хотел сказать: когда маньчжуры завоевали Китай, большая часть их уехала выполнять оккупационные функции.

Первые дни пути прошли в восточных отрогах Хингана, где невысокие, поросшие чахлым лесом сопки сменялись широкими, продуваемыми насквозь долинами. Человеческого жилья не встречалось вовсе, однако земля не была мертвой. Однажды на рассвете, выехав на очередной перевал, мы замерли: в раскинувшейся внизу долине, словно россыпь темных камней, виднелись стойбища, от которых к бледному небу тянулись тонкие струйки дыма.

– Конные эвенки, – глухо произнес Парамон, прищурив выцветшие глаза. – Солоны, поди. Народ дикий, но не злой, если к ним с добром.

Спустившись вниз, мы встретили настороженную тишину. Из низких, крытых войлоком юрт монгольского типа высыпали крепкие, широкоскулые мужчины в потертых халатах-дэлах, перехваченных ремнями, с тяжелыми ножами. Руки их лежали на рукоятках, взгляды буравили исподлобья. Мои попытки объяснить на ломаном китайском разбивались о стену молчания; они лишь хмурились, не понимая или не желая понимать.

Тогда вперед шагнул Левицкий. Спешившись, он с неподражаемой грацией снял шапку и после тщетных попыток заговорить по-французски и по-немецки просто развел руками с обезоруживающей аристократической улыбкой. Что-то в его жесте, лишенном всякой угрозы, заставило самого старого из эвенков, видимо, старейшину, чуть смягчить взгляд. Воспользовавшись моментом, Левицкий достал из мешка добрый кисет табака и с глубоким поклоном протянул его старику.

Затем один из наших нанайцев, Ичиген, знавший их тунгусское наречие, вступил в долгие, гортанные переговоры. Пока они торговались, выменивая шесть свежих лошадей на пару наших уставших и несколько лянов золота, я разглядывал их быт – удивительную смесь степной и таежной культур, где монгольская юрта соседствовала с берестяными коробами, а шаманские обряды переплетались с поклонением вечному Небу-Тэнгри. Уже подобревший старейшина пригласил нас в свою юрту разделить трапезу. В густом, пахнущем дымом и овчиной полумраке мы ели жесткую вареную баранину и пили из деревянных пиал обжигающий соленый чай с жиром, согревающий и сытный.

Распознавшись двинули дальше. Мир вокруг оставался все таким же первозданно пустынным, но теперь в его безмолвии угадывалась скрытая кочевая жизнь. Глядя на эти бескрайние, нетронутые просторы, овеваемые сухими степными ветрами, легко было поверить, что здесь, вдали от су-

етного мира, по-прежнему правят не петербургские циркуляры или пекинские указы, а вечные духи гор и ветров.

На второй день пути горы отступили, сменившись плодородной долиной, которую лениво разрезало спокойное русло реки. Первобытный лес исчез, теперь по обе стороны дороги тянулись ухоженные поля, где крестьяне убирали урожай чумизы. Некрупные, но сытые быки тащили легкие санки, груженные золотом кукурузы, горами красной редьки и пучками подвешенного для сушки табака. На полях, обернув длинные косы вокруг головы, трудились полуголые крестьяне. Их бронзовые тела то тут то там желтели среди нив. Удивительно, но кукурузу они убирали прямо с корнем.

– Корень топить кан будет! – пояснил нам Сяо Ма.

– Нда, поля кругом, а леса-то нет! Откуда дров брать? Вот и жгут кукурузу! – прокомментировал Парамон.

Эта мирная картина, однако, не могла скрыть настороженности и тайного страха, с которым работавшие в полях люди относились к нам. Все встречные – не знаю, китайцы это были или маньчжуры – провожали наш отряд долгими, затравленными взглядами, в которых не было ни тени спокойствия.

К вечеру мы добрались до постоянного двора – большой, приземистой фанзы, сложенной из самана, чьи окна, затянутые промасленной бумагой, тускло светились в сумерках. Сухой, похожий на корень женьшеня хозяин поклонился нам до земли, но его суетливые движения и бегающие глаза выдавали неподдельный ужас. Я приказал вести себя максималь-

но тихо, для всех мы были купцами, идущими с товаром.

Позже, когда мы сидели в общей комнате на широком, теплом кане, согреваясь горьким зеленым чаем, был подозван хозяин. Через Ичигена ему задали вопрос, отчего люди в полях такие пуганные.

Хозяин боязливо огляделся по сторонам, хотя в тускло освещенной комнате, пахнувшей дымом и вареным рисом, кроме нас, никого не было. И начал что-то бурно рассказывать, беспокойно оборачиваясь. Сяо Ма, как мог, переводил:

– Хуже, господин, хуже, чем беспокойно, – зашептал он, придвинувшись ближе. – Хунхузы. Они здесь настоящие хозяева.

Хозяин негромко, то и дело прерываясь и прислушиваясь к каждому шороху за бумажной стеной, рассказал, что бандиты обложили данью всю долину. Каждая деревня, каждый двор платит им – десятой частью урожая, лучшими лошадьми, солью, порохом.

– А иногда... – тут голос хозяина упал до едва слышного шелеста, – им нужны женщины. На ночь. Никто не смеет отказать. Тех, кто отказывал, находят потом в поле с перерезанной глоткой. Для урока.

– А власти? Чиновники? – нахмурившись, спросил Левицкий.

Сяо Ма перевел. Хозяин горько, беззвучно усмехнулся.

– Чиновники сидят в городе и боятся нос высунуть. Они получают свою долю и молчат. Здесь правит не указ богды-

хана, господин. Здесь правит ружье и острый нож.

Слушая его прерывистый шепот, я видел, как рушится благодостный фасад этого плодородного края. За золотыми початками кукурузы и лоснящимися боками сытых быков скрывался мир тотального, узаконенного страха, где человеческая жизнь стоила дешевле мешка чумизы. И наш путь лежал в самое сердце этой процветающей гнили.

На третий день мы въехали в городишко Мэргэнь. Это был типичный маньчжурский городок – шумный, грязный, смердящий специями и черемшой, живой. Мы оставили лошадей на таком же постоялом дворе, что и накануне, а сами, одевшись попроще и оставив штуцера, пошли на базар. Нужно было купить провизии и прислушаться к местным слухам.

С собой я решил взять Левицкого, чтобы он оценил цены на серебро, и, разумеется, Сяо Ма в качестве переводчика.

– Я не мочь пойти, Тай-пен, – неожиданно сказал юноша, когда я его подзвал.

Левицкий удивленно вскинул бровь, да и я был изумлен не меньше – такого неповиновения от маленького китайца я еще не слышал.

– Это еще почему?

Он опустил голову, и его пальцы вцепились в коротко стриженные почти по-европейски волосы.

– Коса, – прошептал он с ужасом. – У меня нет коса.

Только теперь до меня дошло. Еще месяц назад он отрезал ненавистный ему символ маньчжурского владычества. В

нашей таежной вольнице это не имело никакого значения. Но здесь, в большом городе, полном цинских солдат и чиновников, появиться на людях без косы было государственным преступлением, которое каралось одним – смертью. Я совершенно упустил это из виду.

– Тебя никто не узнает, – попытался я его успокоить, но сам понимал, насколько слаб этот довод.

Выход нашелся неожиданно. Нанаец Ичиген, слышавший наш разговор, подошел, усмехнулся и сказал что-то на своем гортанном наречии, показывая на себя. Он предлагал переодеться в его вещи.

– Хорошая мысль, – кивнул Левицкий, понявший, к чему клонит нанаец.

Через десять минут Сяо Ма было не узнать. На нем была куртка из оленьей кожи, штаны из шкур и мягкие, бесшумные унты – одежда нанайца-охотника. Она оказалась ему немного великовата, но это было неважно. Главное, что теперь он выглядел не как китаец, а как «дикий варвар» с севера, один из тех кочевников, что приходили сюда на торг. В таком виде ему не то что отсутствие косы – само неумение говорить по-маньчжурски было простительно. Теперь можно было идти торговать.

Базарная площадь встретила нас оглушительным гулом и невыносимой вонью. Здесь смешалось все: крики торговцев, рев верблюдов, визг свиней, запах жареного мяса, дикого чеснока, нечистот, кислого кумыса и дешевого табака.

Главной валютой, как и в Монголии, был прессованный чай. Покупатели приходили на базар с этими кирпичами чая, а иные прикатывали целую тележку. Я видел, как здоровенный маньчжур специальной пилой отделял от твердой, как камень, плитки небольшой кусок, чтобы расплатиться за пучок какой-то зелени. Золотой песок, который Левицкий предложил торговцу лепешками, тот долго с недоверием рассматривал, пересыпая из руки в руку, но в итоге все же взял.

Мы шли через толпу, и картины, открывавшиеся нам, были одна чудовищнее другой. Вся грязь, нищета и отчаяние Азии, казалось, собрались здесь. У стены плакал, выпрашивая подаяние, слепой старик с вытекшими глазами. Рядом, прямо в пыли, корчилась в припадке какая-то женщина. Никто не обращал на них внимания.

И посреди всего этого – чудовищное, невообразимое зрелище. Увечная, полуслепая старуха лежала на голой земле, и прохожие в виде милостыни набрасывали на нее рваные кошмы и вонючее тряпье. Из этого мусора она соорудила себе подобие низкой, грязной конуры. Здесь она ела, спала, здесь же и испражнялась, покрытая тучами жирных мух. Вокруг ее логовища, образовав полукруг, терпеливо сидела стая огромных, тощих, диких собак. Они ждали. Просто сидели и ждали, когда она умрет, чтобы сожрать несчастную.

В стороне сидели несколько колодников, выставленных на продажу. Мы с Левицким бегло осмотрели их и решили не брать – пять человек нам погоды не делали, зато неминуемо

замедлили бы наше движение к Цицикару. Если их еще не продадут, купим этих бедолаг на обратном пути.

Сяо Ма, шедший рядом со мной, вдруг замер. Его взгляд был прикован к другой сцене. Недалеко от нас рослый хунхуз в синей куртке, видимо, один из «смотрящих» за рынком, лениво, почти беззлобно, бил бамбуковой палкой по спине молодого парня-раба, уронившего мешок с рисом. Парень не кричал, лишь глухо стонал, вжимая голову в плечи. И в этот момент Сяо Ма дернулся – ладонь метнулась к ножу за поясом.

Я успел перехватить его руку.

– Стоять, – прошипел я. – Не сейчас. Не здесь.

Он обернулся ко мне, и в его глазах полыхала такая застарелая, черная ненависть, что мне стало не по себе. Он видел не просто избиение. Он видел всю свою прошлую жизнь.

– Но... тай-пен...

– Я сказал, стоять. – И сжал его руку сильнее. – Твоя месть еще впереди. Не трать время на шавок.

Он, судорожно сглотнув, медленно опустил руку. Но я заметил, как из-за угла соседней лавки за нами наблюдала пара недобрых, оценивающих глаз. Нас заметили. Слухи о чу-жаках с оружием и при деньгах, видимо, уже опередили нас, и кто-то проявлял к нашей компании нездоровый, хищный интерес. Пора было убираться восвояси.

Быстро купив несколько мешков муки, баранью тушу и кирпич чая, мы поспешили покинуть рынок.

На четвертый день пути мы вышли в долину, красота которой показалась нам почти нереальной. Словно сам бог, сотворив мир, оставил этот уголок лично для себя. Голубое, безмятежное небо, отвесные скалы, увитые виноградными лозами с багровыми, прозрачными на солнце листьями, тихая, фиолетовая в вечерних лучах солнца река. Казалось, здесь нельзя было убивать. Нельзя было ненавидеть. Можно было только жить, дышать и радоваться.

Прямо посреди этой идиллии, у самой реки, стояла небольшая китайская деревня – фанз тридцать, не больше. Она выглядела такой мирной и гостеприимной, что решение пришло само собой.

– Становимся здесь, – сказал я. – Хватит ночевать в поле, как волки.

Жители, никогда не видевшие здесь европейцев, встретили нас сначала с опаской, но наше мирное поведение и несколько серебряных монет быстро растопили лед. Староста, благородный седоусый старик, поклонившись, указал нам на лучшую фанзу.

– Мы думали, хунхузы, – признался он через Ичигена.

– Мы не хунхузы, – ответил я. – Они здесь бывают?

– О! – В этом коротком вскрике была вся боль и покорность его народа. Он рассказал, что хунхузы здесь – полные хозяева, требующие всего, что им заблагорассудится. Но сейчас их не было. Уже неделю. Они ушли куда-то в горы, на Пектусан.

– Так что, безопасно от хунхузов? – спросил я.

– Теперь вполне, господин.

– Ну, тогда караул сегодня нанайский. А все остальные – ешьте, пейте и спать.

Какое же это было наслаждение – после нескольких ночей под открытым небом снова оказаться в тепле, раздеться, вытянуться на широком, протопленном кане. Я лежал, убаюканный тихими звуками мирной деревни и сытной усталостью, и провалился в сон так глубоко, как, казалось, еще никогда в жизни.

Пробуждение мое было чудовищным.

Страшный грохот и треск, от которого задрожали стены, вырвал меня из сна. Я открыл глаза в кромешной тьме, не понимая, что происходит. С потолка что-то сыпалось – глиняная штукатурка. И тут же ночь разорвал новый звук. Залп. Частый, трескучий, злой. Пули с жужжанием, похожим на разъяренный рой, впивались в стены фанзы, выбивая щепки. И опять залпы: то трескучие, то глухие – бум... бум...

Я скатился с кана на пол за мгновение до того, как окно, затянутое бумагой, взорвалось огненным цветком. Что-то горящее, похожее на глиняный горшок, влетело в комнату и, ударившись об пол, расплескало вокруг себя море огня.

Снаружи, перекрывая треск пожара и стрельбу, раздался дикий, торжествующий вой.

Глава 5

Хунхузы?! Где штуцер?! Где револьвер?

Новая серия выстрелов и сухой треск бумаги в окнах подсказали – нет, враг все еще снаружи.

Тьма стояла непроглядная. Зажечь лампу – означало выставить себя как мишень, хотя они и так прекрасно знали, где мы.

Револьвер наконец нашелся – как и положено, под подушкой. Стоило ощутить в руках его холодный металл, сразу же вернулось спокойствие. Та-ак. Сначала надо окончательно проснуться, черт побери. А потом убить их – да и вся недолга!

– Левицкий, ты жив? – не своим голосом спросонья прохрипел я.

– Да, Серж. Свое ружье ищу... нашел! – донесся его тихий, напряженный голос.

– Огня не зажигайте. Штуцер, револьвер – при тебе?

– При мне.

Рядом послышался сдавленный шорох.

– Кто здесь?

– Парамон тута, – отозвался он. Голос его был спокоен, будто речь шла о починке сбруи. – Все здесья. А вот Сенька Беседин не откликается... молчит. Хозяина фанзы, похоже, убили. Остальные китайцы разбежались, походу.

Снаружи вновь грохнул залп.

– К стенам! По бокам от двери! – приказал я.

Ползком, стараясь не шуметь, удалось добраться до выхода и прижаться к стене слева. Справа тенью пристроился Левицкий. Осторожным движением пальца в промасленной бумаге дверного проема была проделана щель для обзора. Снаружи не видно было ни зги. Залпы гремели почти непрерывно, но, судя по звуку, били в основном по задней, глинобитной стене фанзы – она держала удар. Здесь же, у входа, лишь злобно жужжали шальные пули. Время от времени в соломенной крыше над головой что-то вспыхивало тусклым светом, и сухая солома принималась тлеть.

– Сколько же их там? – прошептал корнет, поводя взглядом.

– Судя по ору ихнему – там орда целая, не меньше двух сотен сабель, – сокрушенно вздохнул Парамон.

Чиркнувшая спичка на одно мгновение выхватила из мрака циферблат. Половина пятого.

– Скоро рассвет. Нужно лишь дотянуть до света, чтобы видеть, куда стрелять.

Еще один быстрый взгляд во двор сквозь щель позволил заметить приближающиеся к крыльцу тени.

– Нельзя ждать! Коли они с этой стороны зайдут да по окнам бить станут – крышка нам, – донесся голос Парамона.

Он был прав. По какой-то неведомой причине вся их орава сгрудилась у задней стены, пока оставляя вход почти без

внимания.

– Хватит отсиживаться, – принял я решение. – Ударим, пока не опомнились. У кого револьверы – за мной. Прочие – огнем из окон!

Дверь с треском распахнулась настежь. Двор был залит неверным, пульсирующим светом разгоравшегося огня, бросавшим на стены дергающиеся, чудовищные тени. Пятеро хунхузов, как раз тащивших к задней части дома охапку дымящейся соломы, на миг замерли от неожиданности. Эта секунда стала для них последней.

Грянули револьверы. Грохот в замкнутом пространстве двора оглушал. Взгляд выхватил Левицкого: без тени страха, почти в упор он разряжал револьвер в лицо ближайшему бандиту. Вспышка, и голова хунхуза мотнулась назад. Пока тот падал, Левицкий хладнокровно, как на дуэли, уже целился в следующего.

Рядом раздался истошный, почти бабий визг Сяо Ма – из темноты, обогнув Левицкого, на него с ревом несся бородач с кривым тесаком-дао. Помочь ему не было никакой возможности. Но в тот же миг между ними выросла темная тень. Ичиген, двигаясь с нечеловеческой, змеиной скоростью, нааец нанес короткий, рубящий удар своим охотничьим тесаком. Лезвие с влажным хрустом вошло в шею бородача по самую рукоять.

Но другой уже замахивался копьем на самого Ичигена.

– Сзади! – заорал я.

Второй нанаец, Баоса, не раздумывая, ткнул хунхуза своим длинным копьем – коротким, выверенным движением, должно быть, знакомым охотнику с детства. В ночи раздался дикий вопль: наконечник вошел врагу под ребра. Но крики хунхуза тут же потонули в грохоте выстрелов: Левицкий пристрелил еще одного, пытавшегося скрыться за углом.

Двор превратился в суший ад – крики, выстрелы, стоны, скрежет стали. Рядом со мной рубился старый Парамон. Разрядив до конца свой револьвер, он выхватил шашку. Сталь засвистела в его руке, рассекая воздух и плоть. Этим можно было залюбоваться: старый казак двигался легко, по-молодому, выписывая клинком смертоносные круги, нанося стремительные, хлесткие удары.

Уцелевшие хунхузы, видя, что их передовой отряд уничтожен, не выдержали. Один из них что-то отчаянно прокричал, и они, дав прощальный беспорядочный залп в нашу сторону, как ночные призраки, растворились в темноте за деревьями. Мы остались одни.

Едва последний хунхуз скрылся с глаз, я опустился на землю, тяжело дыша и торопливо перезаряжая «Лефоше». Нужно было собрать людей и организовать оборону – вдруг эти твари снова полезут? На несколько мгновений воцарилась тишина, нарушаемая лишь ржанием раненой лошади, негромким треском, будто от разгоравшегося где-то огня, и чьим-то тихим стоном.

– Все живы? – прохрипел я в темноту. – Отзовись, кто

может!

– Я здесь! – тут же отозвался Левицкий.

– И я, – глухо пробасил Парамон.

Послышались и остальные голоса моих каторжан, нанайцев. Но одного голоса не было.

– Беседин? Сенька?!

Молчание.

Тут из темноты вынырнула тень, и я едва не выстрелил.

– Я тут, командир, – испуганно прошептал Беседин.

– Где тебя черти носили?!

– Да отлить пошел, а тут как налетели, как начали палить!

– Тише... – прервал его Левицкий. – Слышите? Голоса...

Мы замерли. Действительно, совсем рядом из темноты за деревьями доносился приглушенный разговор.

– Ичиген, что говорят? – шепнул я нанайцу.

Тот прислушался.

– Говорят... тихо. Говорят, убили всех... или убежали.

Еще говорят... – снова зашептал Ичиген. – «Та». Это значит... «стреляй».

Значит, они рядом. Ждут, когда мы подставимся.

– Без команды не стрелять! – прошипел я. – Подождем, пока сами не покажутся.

Долго ожидать не пришлось. Несколько темных силуэтов осторожно вышли из-за деревьев и двинулись в нашу сторону.

– Огонь! – рявкнул я.

Наш дружный залп разорвал ночную тишину. Один силуэт рухнул.

– Пробежали! Вон, пробежал! – закричал Левицкий. – Другой на четвереньках... вон, вон он!

Новый залп. Темнота. Левицкий выскочил за угол и тут же вернулся.

– Никого. Двоих подстрелили, остальные ушли.

– Ну, теперь они знают, что мы живы, и так просто не полезут, – сказал я, снова перезаряжая револьвер.

Тут кто-то спросил:

– А чего так светло-то стало?

Мы обернулись. Наша фанза, в которой мы еще минут десять назад спокойно спали, занималась огнем. Тот уже подходил к соломенной, покрытой глиной, крыше.

– Негодяи, – процедил Левицкий. – Они успели-таки поджечь ее сзади. Верно, хотели, чтобы мы выскочили на свет, как куропатки на ток, чтобы перестрелять нас из-за кустов.

– Ну шта, начальник, делать будем? – спросил Парамон, вытирая шашку о халат убитого хунхуза и убирая ее в ножны. – Спасать барахло надоть да тикать отсель, а то фанза энта как есть сгорит!

– Нет! – рявкнул я. – Никуда мы не уходим! Всем – тушить!

– Командир, сгорит же все к чертям! – возразил кто-то.

– Хозяин нам поверил, приютил. Не позволю, чтобы из-за нас он остался на пепелище! Тушить, я сказал!

Люди подчинились неохотно, но приказ есть приказ.

– Парамон, Сенька, в фанзу, вытаскивайте все ценное! Остальным – тушить! Владимир Александрович, командуйте!

Пока Левицкий организовывал эту суматошную борьбу с огнем, я подозвал нанайцев.

– Ичиген, Баоса. Залечь в кустах на той стороне двора. Если эти твари снова полезут – встретить огнем.

Нанайцы молча кивнули и растворились в темноте.

Закипела работа. Мы таскали воду, заливая пламя, которое уже пожирало крышу. Сяо Ма, вскочив на забор, кричал что-то в темноту на своем языке, взывая к соседям-китайцам.

– Что он орет? – спросил я Левицкого, который, отдуваясь, таскал вместе со всеми тяжелые ведра.

– На помощь зовет, – усмехнулся тот. – Говорит, добрые люди, помогите, у нас тут пожар... Наивный.

Он был прав. Из соседних фанз не доносилось ни звука. Никто не пришел. Страх перед хунхузами оказался сильнее добрососедства. Мы остались с огнем и бандитами один на один посреди этой темной, молчаливой и равнодушной китайской деревни.

Огонь сдавался неохотно. Погас он лишь под утро, оставив после себя горький запах гари и мокрого пепла, стылым рассветным ветром разносимого по округе. Искалеченная фанза чернела в первых лучах солнца, через прогорев-

шую крышу было видно свинцовое небо, но стены, опаленные и немые, еще стояли.

Зайдя внутрь, я увидел, что в едком выедающем глаза чаду проступают очертания тела. Это был хозяин фанзы. Он обмяк в дальнем углу, привалившись к стене, а из груди его вырывались тяжкие, рваные хрипы. Ткань халата на животе пропитало темное, густое пятно, точно зловещая карта, расползающееся по синей материи.

Бедный старик поплатится за свое гостеприимство. Я опустился рядом.

– Переведи, Ичиген, – сказал я нанайцу, – скажи ему, что он получит плату за все свои убытки. Я возьму все.

Нанаец передал мои слова. Старый китаец с трудом открыл глаза, на его губах проступила слабая, вымученная улыбка.

– Говорит, что он исполнил долг гостеприимства, – перевел Ичиген. – Денег не надо. Просит только полечить его... если можно. Лишь бы жить.

Полечить? Я посмотрел на рану. Пуля вошла в пах, очевидно, раздробив бедренную кость.

– Надо вынуть пулю! – предложил Левицкий.

Парамон, осмотрев рану, лишь покачал головой.

– Безнадежен, – глухо сказал он. – Умрет. В живот попало.

Постепенно, с первыми лучами солнца, вокруг погорелой фанзы начали собираться соседи. Они толпились вокруг нас, и в их раскосых глазах было странное спокойствие. Все зна-

ли, что хунхузы, атаковав нас, теперь уйдут и оставят их в покое. Один из стариков, видимо, местный староста, рассказал через Ичигена то, что мы и так уже поняли. Бандиты пришли за нами. Они ждали нас на большой дороге, но мы свернули. Где остановились, им указал кто-то из местных.

Ну что ж, по крайней мере, понятно, что это не люди Тулишена, а, скорее всего, просто бандиты, охотящиеся за путешественниками.

– Они не страшны в чистом поле, – проговорил старик. – Днем это робкие гиены. Но страшны ночью, в лесу, в засаде. Хунхузы теперь от вас не отстанут. Будут идти следом, как волки за оленем, дожидаясь удобного момента.

Слушал я его, и картины из прошлого ярко встали в голове. Чечня. Такие же горы, такая же зеленка, такая же тактика мелких, но кровавых ночных нападений, изматывающих засад, после которых чехи так же растворялись в лесу, оставляя после себя трупы и страх. Похоже, мы не сможем оторваться. Отныне каждая ночь, каждый привал, каждый темный овраг будут нести в себе смертельную угрозу.

Тем временем раненый хозяин фанзы тихо, почти беззвучно заплакал. Его жена, вернувшаяся из леса, прильнула к его ногам и тоже плакала, но молча, слезами истинного, глубокого горя, без криков и причитаний.

Я подозвал к себе его сына, того самого двенадцатилетнего мальчишку, что так храбро встретил нас вчера. Он подошел, бледный и трепещущий.

– Ичиген, скажи ему: я даю слово, что его семью не оставят, – сказал я, доставая из-за пазухи несколько золотых самородков. – Это ему, чтобы хватило уйти отсюда куда-нибудь в безопасное место. Там он вырастет и станет хорошим человеком.

– Отец будет жить? – спросил мальчик, глядя на меня с отчаянной надеждой.

– Пусть спрячет. Никто не увидит. – Я вложил золото ему в кулак. – Это поможет вам начать новую жизнь.

– Сколько лошадей уцелело? – спросил я.

Парамон выглянул за угол.

– Два лошака убиты наповал. Еще две лошади ранены. Остальные целы.

– Беседин, проверь, что с вещами во выюках!

Вскоре он вернулся.

– Вещи целы! – радостно крикнул он, потрясая своим штуцером.

Нужно было уходить, и немедленно. Хунхузы, потерпев неудачу в ночном наскоке, сейчас зализывали раны и ждали подкрепления. Но скоро они снова повиснут у нас на хвосте. Не теряя времени, мы наскоро поели и стали собираться в поход.

Два убитых вьючных лошака – это минус четыре вьюка. Пришлось бросить здесь часть припасов: несколько мешков с рисом, гаолян для лошадей, кое-какую одежду. Впрочем, теперь это было не так страшно: мы вступали в населенные

края, где можно было рассчитывать на покупку еды. Оставшееся добро я предложил взять китайцам.

– Придут хунхузы и отнимут, – покачал головой старик.

– Тогда уберите подальше! – сказал я.

Меня занимала не судьба брошенных вещей, а наш дальнейший путь. Я подозвал к себе мальчишку, сына убитого хозяина.

– Спроси его, Ичиген, какая дорога ведет на Цицикар?

Он подошел и напряженно вслушался. Мальчик, чьи глаза за одну ночь повзрослели на десять лет, рассказал. В общем, оказалось, что дорог тут две. Одна – широкая, наезженная, по которой ходят караваны. Но она делает большой крюк и она «на виду». Вторая – короткая, но ухабистая – скорее тропа, чем дорога. По ней проходят только пешком или верхом, и она ведет прямо через холмы.

В голове тут же начал складываться план.

– Хунхузы теперь знают о нас, – сказал я Левицкому, когда мы отошли в сторону. – И у них, без сомнения, есть свои глаза в каждой деревне. Они будут знать, по какой дороге мы пошли.

– Значит, погоня неизбежна, – мрачно кивнул он.

– Да. Но мы можем превратить эту погоню в ловушку! Выгода наша в том, что теперь мы впереди. Они думают, что мы будем спасаться, торопиться. А мы сделаем наоборот.

– Надо устроить им засаду? – Его глаза азартно блеснули.

– Именно! Мы выступим открыто, на виду у всей дерев-

ни, по большой и безопасной дороге. Они узнают об этом. И погонятся следом. Но, отъехав верст на пять, мы свернем в лес и вернемся. А у самой развилки...

– ...мы будем их ждать, – закончил он, и на его лице появилась хищная улыбка. – Гениально. Они будут гнаться за нами и сами попадут в западню.

Мы быстро распределили роли. Когда все было готово, я приказал дать два залпа из штуцеров в сторону леса, откуда на нас напали, чтобы обезопасить отход. А затем на глазах у всей деревни наш маленький отряд – все верхом, держа ружья наготове, – демонстративно рысью тронулся по широкой, пыльной дороге, ведущей на восток. Враг должен был поверить, что мы бежим.

Мы ехали по большой дороге не таясь, намеренно поднимая пыль и оставляя четкие, хорошо заметные следы. Нас должны были увидеть. Проехав верст пять и убедившись, что за нами нет погони, я дал знак. По моей команде отряд резко свернул с дороги и углубился в густые заросли прибрежного леса. Мальчишка не соврал: здесь, в тени деревьев, начиналась едва заметная тропка.

Дальнейший наш путь оказался крайне тяжел. Мы спешили, ведя лошадей в поводу. Тропа петляла, карабкалась по крутым склонам, спускалась в сырые, заросшие мхом овраги. Здесь не могли бы пройти повозки, и даже верхом ехать было рискованно. Сначала мы шли через заросли кустарника, потом – сквозь гаолян и через два часа изнурительного

пути, сделав большой крюк, как и было задумано, выбрались к тому месту, где эта узкая тайная тропа соединялась с разбитой копытами «короткой» дорогой.

Осмотревшись, я увидел, что это идеальное место для заставы. Дорога здесь проходила по узкой лощине, с обеих сторон стиснутой густыми, в человеческий рост, полями гаоляна. Высокие, прочные стебли служили лучшей маскировкой. Я разделил свой крохотный отряд. Левицкий с тремя бойцами – на левой стороне, я с остальными – на правой. Лошадей и мулов мы отвели в глубь зарослей и привязали, зажав им морды торбами с сеном, чтобы не заржали в самый неподходящий момент.

Началось ожидание. Мы залегли в густых, пыльных зарослях, превратившись в слух и зрение. Жаркое полуденное солнце пекло нещадно. Над головой монотонно гудели насекомые. Воздух был неподвижен и тяжел, пах горькой полынью и пылью. Час сменялся часом. Тишина становилась почти невыносимой, и я уже начал сомневаться в собственном плане. А что, если они не купились? Что, если пошли другой дорогой или вовсе отказались от погони?

Но я гнал эти мысли. Они должны были прийти. Их жадность, уязвленная гордость и уверенность в том, что мы – легкая, трусливая добыча, должна, обязана была привести их к нам!

И вот, когда солнце уже начало клониться к закату, старый казак Парамон, лежавший рядом, вдруг напрягся. Он

приложил ухо к земле.

– Идут, – прошептал он, – как есть идут! Кони иноходью скачут. Много!

Я тоже припал к земле. Сначала это был лишь едва уловимый гул, вибрация, бегущая по пересохшей почве. Но с каждой минутой она становилась все отчетливее, превращаясь в дробный, размеренный перестук.

Стук десятков конских копыт.

Глава 6

Стук копыт становился все отчетливее, и вскоре из-за поворота показался головной дозор – трое всадников в до боли знакомых синих халатах. Они ехали беспечно, растянувшись по дороге, уверенные в своем полном господстве на этой земле. За ними, поднимая тучу пыли, двигался основной отряд. Присмотревшись, я заметил, что конных хунхузов человек сорок, не больше. Видимо, остальным не хватило лошадей для погони.

Они въехали в лощину. Мои люди дисциплинированно ждали сигнала. Прекрасная маскировка делала свое дело: хунхузы и не догадывались о засаде. Лишь высокие, густые стебли гаоляна по обе стороны дороги, казалось, лениво качались на ветру. Я ждал, давая им втянуться поглубже, в самое сердце заботливо приготовленной западни. Когда последний всадник миновал позицию Левицкого, мой крик разорвал тишину.

– Огонь!

И лощина взорвалась грохотом. Короткий, как удар топора, слитный залп ударил по колонне. Свинцовый ливень буквально смел хунхузов с седел. Лошади дико заржали, вставая на дыбы, сбрасывая раненых и мертвых. Отстрелявшись из ружей, мы взяли за револьверы. Передние ряды смешались с задними, превратившись в воющую, мечущуюся кашу из

тел, конского храпа и предсмертных криков.

Частый огонь из револьверов, прицельный и хладнокровный, довершил разгром. Не больше пятнадцати хунхузов, уцелевших в этой мясорубке, сумели развернуть своих обездумевших коней и, не пытаясь отстреливаться, в панике хлестали их нагайками, уносясь туда, откуда пришли.

Преследовать их я не стал. Ловушка захлопнулась идеально, и искушать судьбу, бросаясь в погоню по неизвестной местности, было бы несусветною глупостью.

Бой длился не больше минуты.

Потерь с нашей стороны не было – лишь один из каторжан получил легкую царапину в плечо.

– Прикончить раненых, – бросил я коротко. – Оружие, порох, лошадей – собрать!

Мы вышли из укрытий и методично начали добивать раненых и еще живых, кого-то придавила лошадь, кто-то неудачно выпал из седла, а кого-то выбила пуля. Вот уж кого было жалко, так это коней.

Мы быстро собрали трофеи – занятие, всегда веселящее кровь воинов. Особенно радовался Парамон, подбирая брошенный кем-то почти новый штуцер. Один из убитых хунхузов был совсем еще мальчишкой, лет шестнадцати. Старый казак, перевернув его тело сапогом, лишь сплюнул в сторону.

– И этого черти в пекло утащили... – проворчал он. – Со всем щеглов набирать стали.

На нашу долю досталось пяток целых коней – не самой

лучшей статьи, но вполне пригодных под седло, дюжина исправных фитильных ружей, порох и пули. Негусто, но в нашем положении – и то хлеб. А самое главное – теперь безбоязненно можно было двигаться дальше. Вряд ли какая-нибудь мразь посмеет нас теперь потревожить.

Эйфории от легкой победы не было – скорее, осталось мрачное чувство исполненного долга, как у волков, задравших наглуую собаку, что забрела на их территорию. Мы ехали по той же плодородной долине, и мирный, почти идиллический пейзаж теперь, после въевшегося в ноздри запаха крови и пороха, казался чуждым, почти нереальным.

По обе стороны дороги трудолюбивые маньчжуры и китайцы убирали урожай. Их терпеливый, вековой труд был виден во всем: в аккуратных крестах сложенной чумизы, в золотых горах кукурузы у каждой фанзы, в том, как сытые быки без понукания тащили по полю легкие санки, груженные урожаем. Но на лицах этих людей не было радости хозяина, собирающего плоды своих трудов. Был лишь страх и покорность судьбе.

– Посмотри на них, Владимир, – сказал я тихо, обращаясь к Левицкому, который ехал рядом. – Какой честный, порядочный народ. Вспомни, как благородно сказал умирающий хозяин той фанзы, где мы приняли бой: «Я исполнил долг гостеприимства». Признаюсь тебе, я раньше думал, что китайцы – все как один лживые, изворотливые твари. Но нет. У них тоже есть благородство! И ни один из них не ест да-

ром хлеб, каждый гнет спину от зари до зари. А любой башибузук, любой вшивый бандит делает с ними что хочет.

Левицкий молча кивнул. Мы как раз проезжали по местности, где следы этого насилия виднелись повсюду: брошенные, почерневшие от дождей фанзы, целые деревни, от которых остались лишь заросшие бурьяном остовы.

– Шайка в сорок сабель, которую мы только что раскидали, – продолжал я размышлять вслух, – держала в ужасе всю эту долину. Всю! Сотни, тысячи душ. Одной роты наших стрелков хватило бы, чтобы очистить этот край от Силицы до самого Желтого моря. А так здесь на сотни верст царит закон сильного. Несчастные местные жители: китайцы, эвенки, нанайцы, маньчжуры – рабы китайских ростовщиков, таких как Тулишен, и их хунхузов, выбиваются из сил, как вола, таща на себе все хозяйство этого края. А их за это бьют, грабят и вешают. И они отвечают на все детской незлобностью и беспредельным терпением.

Победа в засаде вдруг показалась мелкой и незначительной. Уничтожение одного отряда было сродни прополке одного сорняка на поле, сплошь заросшем чертополохом. На его месте немедленно вырастет другой, такой же, а то и злее. Корень зла был не в самих хунхузах – нет, он заключался в безвластии. В пустоте, которую немедленно заполняет право сильного.

Увы, даже если я найду Тулишэня и убью его, даже если привезу сюда сотню бойцов, это ничего не изменит. Без за-

кона, без порядка, без прочной экономической базы любая сила здесь со временем вырождается в еще одну банду. В еще одних хунхузов.

А ведь здесь при правильном подходе действительно можно устроить рай на земле. Свое маленькое, но правильное государство, основанное не на страхе, а на силе и справедливости. Государство, способное себя защитить. Эх, мечты, мечты...

Через несколько дней пути по плодородной, но полной скрытой угрозы долине мы наконец добрались до Цицикара. Город показался на горизонте внезапно – сначала невысокая, но длинная каменная стена, затем изогнутые крыши пагод и храмов, вырисовывающиеся на фоне бледного неба.

Рисковать и соваться за стены, в лабиринт незнакомых улиц, где гарнизон цинских солдат мог бы прихлопнуть наш маленький отряд, как муху, я не стал. Мы разбили лагерь в торговом предместье – огромном, шумном и грязном поселении, которое плотным, хаотичным ковром из фанз, складов и постоянных дворов примыкало к основной крепости.

Оставив людей и лошадей под присмотром Парамона, мы втроем: я, Левицкий и Сяо Ма – отправились на разведку. После недель, проведенных в дикой тайге, этот город ошеломлял.

С западной стороны он был открыт реке Наньцишань, широкой и полноводной. У берега теснились десятки плоскородных джонок; носильщики, голые до пояса, надрывно

крича, таскали по шатким сходням мешки и тюки. Дальше виднелись крыши гигантских каменных складов, окруженных высокими заборами – очевидно, перевалочный пункт для караванов, шедших из Кяхты в Пекин. Воздух был пропитан густым варевом запахов: сырой рыбы, дегтя, верблюжьего навоза и какой-то острой, незнакомой пряности. Вдалеке, за первым кольцом стен, над серыми крышами сыхэюаней возвышались золоченые, изогнутые, как хвосты драконов, вершины храмов. И надо всем этим, на высоком холме, доминируя над городом, белел своим великолепием Зимний дворец императора Канси.

Мы углубились в базар, который кипел и бурлил в самом центре предместья. Все нечистоты выливались прямо на улицу, смешиваясь с грязью и мусором, но посреди этой вони шла бойкая торговля. На лотках горами лежали гигантские желтые тыквы, связки красного перца, белая редька размером с человеческую руку. В воздухе стоял чад от жаровен, на которых шипело мясо. Главным здесь был не человек, а товар. Улицы строго делились по ремеслам: вот ряд горшечников, за ним – улица, где пахло кожей и воском, там сидели шорники.

И посреди всей этой торговой суеты – ее оборотная, страшная сторона. Нищета. У стены храма сидела, раскачиваясь, беззубая старуха и монотонно выла, выпрашивая подаяние. Рядом с торговцем горячими лепешками мы увидели невероятную картину. Прямо на землю недалеко от жаровни

была свалена огромная, еще дымящаяся куча верблюжьего навоза. К ней подходили покупатели, брали на лотке у торговца крупные утиные яйца и, не стесняясь, засовывали их поглубже в горячую, пахучую массу.

– Что они делают? – ошеломленно спросил Левицкий.

– Пекут, – перевел короткий ответ торговца Сяо Ма. – В навозе. Так быстрее и жарче.

Левицкого едва не стошнило. Но для местных это, видимо, было в порядке вещей. Они через пару минут вынимали свои яйца палочками, обтирали грязной тряпкой и с аппетитом ели.

Чем дальше мы углублялись в торговые ряды, тем мрачнее становилось на душе. Главная наша цель казалась все более призрачной. Осторожные расспросы, которые Сяо Ма заводил с торговцами и содержателями харчевен, натывались на стену молчания или испуганного бормотания.

Окончательный ответ мы получили у главных ворот, ведущих внутрь старой крепости.

Там на высоких, вкопанных в землю шестах висели бамбуковые клетки. А в них, качаясь на ветру, чернели отрубленные человеческие головы. Они уже высохли на солнце, превратившись в страшные, усохшие мумии, но предсмертный ужас, застывший на лицах, казалось, был вечным. Под каждой клеткой висела дощечка с иероглифами.

Я посмотрел на Сяо Ма. Юноша стоял бледный как полотно, и его губы дрожали.

– Что там? – тихо спросил я.

– «Участь мятежников-тайпинов», – прошептал он, переводя надпись под одной клеткой. – А там... «участь разбойников-нянцзюней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.